

А. В. Святославский <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>**Формирование образа местности в культуре:
научное и методическое наследие Н. П. Анциферова**

Статья посвящена научно-методическим идеям культуролога, краеведа, музейоведа и экскурсиониста Николая Павловича Анциферова, автора уникальной концепции «души местности» как инструмента постижения процесса формирования образа города в культуре на основе художественного творчества. В работе раскрывается роль Н. П. Анциферова не только как выдающегося краеведа I пол. XX в., но и как создателя уникального научного метода анализа культурных текстов, когда образ местности становится активным компонентом сюжета. Предметом исследования стала также проблема роли художественного творчества в формировании устойчивых образов той или иной местности в отечественной и европейской культуре. Отдельное место в статье уделено сравнению концептов хронотопа у Анциферова и у М. М. Бахтина, что позволяет выявить специфику каждого из них. Основное внимание при обращении к трудам Анциферова уделено анализу процесса формирования образа местности в культуре через произведения искусства, художественную литературу, живопись, архитектуру, драматургию. Анциферовский подход к урбанизму в литературе характеризуется отказом от понимания места лишь как фона романного или драматургического действия. Место является таким же самостоятельным элементом, как герои и происходящие с ними события, и оказывает серьезное влияние на разворачивание сюжета. Автор статьи отмечает, что, несмотря на серьезный прорыв в изучении и популяризации творческого наследия Анциферова, осуществленный за последние два десятилетия, остается еще немало его работ, не издававшихся с 1920-х гг. и ожидающих внимания современных культурологов, музейоведов, экскурсионистов и издателей. Помимо методических работ, особое место в творческом наследии Анциферова занимает исследование урбанистических процессов на материале Ленинграда, Москвы и Ярославля.

Ключевые слова: Н. П. Анциферов, художественная местнография, «душа местности», образ местности, локус, локально-исторический метод, художественная топология, культурный текст, урбанизм, городская культура.

A. V. Svyatoslavsky

**Formation of the image of the locality in culture:
N. P. Antsiferov's scientific and methodical heritage**

The article is devoted to the scientific and methodological ideas of a culturologist, philologist, local historian, museologist and Nikolai Antsiferov, the author of the unique concept of the «soul of the area» as a tool for understanding the process of forming the image of a city in culture based on artistic creation. The work reveals the role of N. P. Antsiferov, not only as an outstanding local historian of the XX century, but as the creator of a unique scientific method of analyzing cultural texts, when the image of the locality becomes an active component of the plot. The subject of research was also the problem of the role of artistic creativity in the formation of sustainable images of a particular locality in the national and European culture. A special place in the article is devoted to compare the concepts of chronotope in Antsiferov's and in M. M. Bakhtin's works, which allows us to identify the specifics of each of them. The main attention when referring to the works of Antsiferov is paid to the analysis of the process of forming the image of the locality in culture through works of art, fiction, painting, architecture, drama. The Antsiferov's approach to urbanism in literature is characterized by the refusal to understand the place only as a background of a novel or dramatic action. The place is as an independent element as the heroes and as the events occurring with them and has a serious impact on the unfolding of the plot. The author of the article notes that despite a serious breakthrough in the study and popularization of Antsiferov's creative heritage over the past two decades, there are still many of his works that have not been published since the 1920-s, and waiting for the attention of modern culturologists, museologists, excursionists and publishers. In addition to the methodological works, a special place in the artistic heritage of Antsiferov is occupied by the study of urban processes on the material of Leningrad, Moscow and Yaroslavl.

Keywords: Nikolai Antsiferov, literary localography, «soul of a locality», image of the locality, locus, local historical method, literary topology, urbanism.

Только что увидела свет уникальная книга о Ярославле, написанная в 1930-х гг. двумя выдающимися краеведами, знатоками отечественной культурной традиции Николаем Павловичем Анциферовым и Алексеем Алексеевичем Золотаревым и пролежавшая в Ярославском архиве более 80 лет [1]. Материал книги дает много интересного в связи с прославившими культурную историю Ярославля деятелями, среди которых Ф. Г. Волков, Н. А. Некрасов, М. Д. Чулков, И. С. Аксаков. Методологическое значение этого труда состоит в том, что он является образцом для авторов современной краеведческой литературы, которая нередко, увы, содержит много ошибочного, поверхностно-развлекательного. В настоящей публикации мы обращаемся к научно-просветительской деятельности одного из авторов этой книги, Н. П. Анциферову, который стал фактически основателем школы научного музееведения и историко-культурного краеведения, основанного на методе изучения «души местности», воплощенной в культурном тексте.

Хотя в постсоветский период началось возвращение имени Николая Павловича Анциферова в отечественную науку, еще немало предстоит сделать, чтобы Анциферов воспринимался не как «один из» плеяды блестящих краеведов 1920-х гг., но как уникальный ученый-культуролог, урбанист и музеевед, для которого описание локальной культуры было необходимой, но не конечной целью исследования. В фокусе его научного внимания оказалась проблема создания и восприятия художественного образа в его обусловленности пространственно-временной системой координат, а также проблема обратной связи, то есть исследования того, как художественный образ влияет на формирование образа места – в культуре в целом. Открытия в этой сфере гуманитарного знания делают Анциферова выдающимся в буквальном смысле этого слова – *выдающимся* из среды краеведов, сделавших свои вклады в изучение той или иной местности, из среды историков, филологов и культурологов прошлого. Отсюда вытекает и значимость научного направления, сформировавшегося вокруг изучения указанного аспекта анциферовского наследия и получившего развитие в последние годы как в Москве и Петербурге, так и в Ярославле.

Это научное направление выглядит достаточно инновационно в современной культурологии,

о чем говорил академик РАО С. О. Шмидт на заседании Отделения языка и литературы Российской академии наук 19 января 2011 г. [6, с. 5-87], – направление, до самого последнего времени не получавшее должного развития при всей очевидной его важности для теории и методологии литературоведения, культурологии (включая музееведение и краеведение), культурной географии.

Сегодня все очевиднее связь наследия Анциферова с проблемой сохранения духовной основы русской культуры как таковой, а значит – с проблемой выживания народа. На это справедливо указывает много сделавшая для изучения творчества Анциферова Д. С. Московская, утверждая, что «главным вопросом, ответ на который искал историк культуры Анциферов в художественных образах города, был вопрос о последствиях, которые ожидают общество, отменившее историческую духовную “надстройку” местностей, разрушив вещественные формы ее существования. Этот вопрос вряд ли был услышан большинством его оппонентов» [2, с. 563]. Теперь уже, добавим от себя, – речь идет о том, чтобы предостережение о разрушении «духовной надстройки» услышали и наши современники.

В фокусе научного интереса Анциферова – теоретика искусства и исследователя семиотики культуры – оказывается проблема формирования художественного образа и восприятия этого образа реципиентом художественной культуры. Последнее особенно важно, ведь методическая деятельность Анциферова на поприще культурно-исторических и литературных экскурсий была обращена к тем, кто учится читать литературную классику и знакомится с классическим искусством (школьники, студенты, слушатели различных курсов), и к тем, кто призван помогать этому процессу воспитания (методисты, учителя, экскурсоводы, преподаватели вузов, просветители).

Что касается теоретических основ анциферовского методического инструментария, его концепция художественного образа неотделима от первоисточника – исторической реальности. В этом определенное отличие анциферовского «хронотопа» от бахтинского. В научном наследии М. М. Бахтина можно найти утверждение, что литературный образ порожден реальным временем-пространством. «В том совершенно реальном времени-пространстве, где звучит произведение, – писал Бахтин, – где находится рукопись

или книга, находится и реальный человек, создавший звучащую речь, рукопись или книгу, находятся и реальные люди, слушающие и читающие текст. Конечно, эти реальные люди – авторы и слушатели-читатели – могут находиться (и обычно находятся) в разных временах-пространствах, иногда разделенных веками и пространственной далью, но все равно они находятся в едином реальном и незавершенном историческом мире, который отделен резкой и принципиальной границей от изображенного в тексте мира. Поэтому мир этот мы можем назвать создающим текст миром: ведь все его моменты – и отраженная в тексте действительность, и создающие текст авторы, и исполнители текста (если они есть), и, наконец, слушатели-читатели, воссоздающие и в этом воссоздании обновляющие текст, – равно участвуют в создании изображенного в тексте мира. Из реальных хронотопов этого изображающего мира и выходят отраженные и созданные хронотопы изображенного в произведении (в тексте) мира» [5, с. 401-402].

Разделяя мнение Бахтина, Анциферов сосредоточивает свое внимание не только и не столько на феномене «виртуального» романного хронотопа, образа, порожденного воображением автора и читателя, сколько на изучении *связи* реального и романного пространства в их сложном взаимопроникновении. Никто, кроме Анциферова, в отечественной науке до сих пор не сделал так много для исследования проблемы постоянного взаимодействия образа местности в конкретном литературном произведении и устойчивого образа реальной местности в культуре. Даже сегодня значительная часть трудов Анциферова остается не переизданной с источников 1920-1940-х гг. и труднодоступной. Методическая составляющая трудов Анциферова ставит нас перед проблемой научения постижению художественного образа во всей присущей ему исторической полноте. Анциферовский подход к урбанизму в искусстве и литературе характеризуется отказом от понимания места лишь как фона романного действия. Локус является таким же самостоятельным элементом, как герои и как события, происходящие с ними.

До сих пор литературное краеведение, к сожалению, нередко видит цель своих изысканий лишь в поисках конкретных прообразов изображенных в беллетристических произведениях местностей, домов, улиц, площадей, уголков города, хотя очевидно, что, в отличие от публицистики, прямые корреляции здесь не столь важны.

Например, уже почти полвека идет спор о том, какой из московских домов является булгаковским «домом Мастера», а какой – «домом Маргариты», хотя ясно, что творец этих образов был великим мистификатором и уж никак не собирался связывать себя жестким и однозначным соответствием романских и реальных образов. Он мог взять образ реального московского дома, но «поместить» в него обстановку парадного, виденного в другом доме, а затем ввести героев в квартиру, «взятую» из третьего... Как показал в своей диссертации Анциферов, так же, преодолевая зависимость от конкретного локуса, хотя и под ярким впечатлением от них, работал Достоевский: «Не следует, однако, преувеличивать значение <...> *realia* в творчестве Достоевского, – пишет Анциферов. – При трактовке урбанистических проблем нужно избежать тех ошибок, которые допускались литературоведами при решении вопросов о прототипах <...> Нельзя быть всегда уверенным, что дом, описанный Достоевским, существует в действительности. <...> Где же «прототип» дома Раскольникова? Не следует ли допустить, что Достоевский создал свой дом Раскольникова, используя все эти *realia*, а вместе с тем, быть может, и литературную традицию, заложенную Гоголем и Лермонтовым?» [2, с. 263-264].

Не отменяя азартной краеведческой «охоты» за реальными прообразами и, естественно, призывая изучать город, быт, топографию, детали бытия конкретной эпохи, Анциферов во главу угла работы краеведа-культуролога ставит постижение атмосферы того сгустка культуры, который порождает образную систему произведения. Цель – вчувствование и воссоздание в себе атмосферы времени, атмосферы местности, атмосферы события, в которой пребывает герой произведения в конкретное время в конкретном месте. Атмосфера, или дух местности, как и дух времени, для Анциферова важнее, чем нескончаемые споры вокруг реальных прообразов, хотя таковые, конечно, имеют место. «Мы извлекаем сведения о местах, влиявших на творчество, а иногда и непосредственно отраженных в нем, о людях, служивших писателю прототипами героев или непосредственно влиявших на его жизнь, находим там указания, характеризующие эпоху писателя; всем этим мы облегчаем себе возможность воссоздать *атмосферу*, в которой жил и творил интересующий нас автор», – пишет об этом Анциферов [4, с. 7-8].

Кстати, затрагивая эту тему, нельзя не остановиться на терминологической путанице, сопровождающей термины «прообраз» и «прототип», которые нередко трактуют как синонимы, тогда как прототип характеризует некий культурный тип, в то время как за прообразом, скорее, может скрываться конкретная индивидуальность.

Мы не будем оригинальны, если скажем, что именно проблема восприятия образа является, по существу, краеугольным камнем в теории искусства, и здесь Анциферов вторгается в «святыню святых» художественного творчества. Неискушенному читателю кажется, что корреляции реальной действительности и мира художественных образов просты и однозначны. Так, на кладбище Ново-Иерусалимского монастыря читатели такого рода несколько лет тому назад устраивали массовое «паломничество» к могиле Дмитрия Александровича Карпова, сочтя его за сына «потомственного дворянина Звенигородского уезда» Дмитрия Алексеевича Карпова, героя популярных романов Б. Акунина. И не было им дела до того, что, согласно старинной эпитафии, погребенному под чугунной плитой «конной гвардии вахмистру» шел всего седьмой год от роду, благо записали в полк с рождения, да и отчество его не совпадало с отчеством романного героя...

Постижение образа, проникновение в творческую лабораторию писателя (именно эти словосочетания использует Анциферов) выглядит своего рода тайной, которая открывается не всем, не сразу и несет в себе множество скрытых смыслов. Об этом есть запись в дневниках М. М. Пришвина: «Конечно, можно и ландыш описывать, – рассуждает он, – но только надо знать, что до конца его все равно не опишешь и не сделаешь того, что он сам с собой сделал. А ведь как хочется художнику добраться до него самого, но это уже нет: конечно, можно почувствовать запах ландыша даже с картины, даже из-под пера, но как сам он пахнет – это не сделаешь, до самого ландыша не доберется ни кисть, ни перо. Единственно, что можно сделать художнику, – это добраться до другого человека и своим образом ландыша вызвать его собственное чувство ландыша и его понимание. Так все образы природы не есть сама природа, а только средство обмена людей между собой. И значит, если я о природе пишу, то пишу я о самом человеке в его сокровеннейших переживаниях» (курсив наш. – А. С.) [8, с. 579].

Пришвин невольно следует коммуникативно-семиотической модели понимания художественного творчества, одновременно указывая на аксиологический аспект этого творчества: даже образы природы имеют смысл, в конечном счете, постольку, поскольку участвуют в диалоге «писатель – читатель», иначе говоря, в социальной коммуникации, посредством системы художественных образов.

Кроме того, человек устроен так, что «дух места» и «дух времени» обладают для него притягательностью сами по себе (о чем свидетельствуют описанные выше «паломничества» читателей акунинских повестей). Мы имеем в виду страсть путешественника, который собирается странствовать к историческим местам, по существу, стремясь превратить путешествие в пространстве еще и в путешествие во времени. «Интерес к вещам, принадлежавшим чтимым людям, к местам, связанным с их жизнью и творчеством, свойствен человеческой природе и восходит к глубочайшей древности. Посещение мест великих событий – старая культурная потребность. Эти посещения часто принимали характер паломничества. Слова «на том самом месте» имеют какую-то особую власть над сознанием. Слово м е с т о, озаменованное памятным событием, побеждает в р е м я. Когда находишься на нем, размыкается цепь времени, текущий момент как-то прикладывается к невозвратно ушедшему в прошлое и яркой искрой вспыхивает переживание угасшего былого» [4, с. 43. – *разрядка оригинала*].

Роль инструмента, посредством которого облегчается постижение связи «души местности» как источника творческого вдохновения писателя и создаваемой им образной системы, берет на себя литературная экскурсия. Разработка и проведение ее – самый сложный вид экскурсионной работы, ведь «стихия литературы – слово – не может стать объектом экскурсионного осмотра. Слово можно видеть только “духовным взором”» [4, с. 4]. Здесь Анциферов употребляет еще один свой специфический термин «духовный взор», критически важный для анциферовских принципов постижения художественного образа. Его развитию служит посещение местности. «Мы должны поставить себе задачу суметь раскрыть свой взор и усмотреть в правдивой обстановке элементы, которые породили интересующий нас образ», – пишет он [4, с. 9].

Основные положения анциферовского понимания литературного урбанизма в литературе

наиболее полно изложены в его диссертации. Фундаментальное положение о том, что город не просто фон романного действия, постепенно разъясняется и уточняется в этой работе целым рядом частных положений. Во-первых, город часто предстает в русской и европейской литературной классике как живой организм. Анциферов напоминает, что еще в XIX в. сам заголовок некрасовского сборника «Физиология Петербурга» свидетельствовал об устойчивости такого метафорического отношения к русской столице, и сам продолжил эту традицию, вводя также понятия анатомии и психологии города. Он пишет большую работу «Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода» [3], первая глава которой «Город как социальный организм» открывается параграфом «Анатомия, физиология и психология города».

Так, традиции отношения к городу в русской классике XIX в. получают развитие в методологии краеведческой работы в XX в. Город воспринимается как современник и собеседник. Анциферов вводит понятие судьбы города в культуре. Здесь коренится то главное, что позволяет нам сегодня говорить о феномене «анцифероведения» в литературоведении и краеведении. «Душа места» – ключевое понятие анциферовской методологической системы – уходя корнями в какое-то труднодостижимое метафизическое прошлое, в «видимой» части своей несет отпечаток многих культурных явлений, среди которых литературные образы и сюжеты. Писатель, художник, архитектор, творя свой образ места, тем самым влияет на формирование образа этого места в культуре в целом, в том числе во временной перспективе. На примерах Пушкина, Достоевского, Блока Анциферов показал рождение типа писателя-краеведа, который, в свою очередь, породит образ героя-фланера, проникающегося в своих блужданиях «душою» местности. Если мотив путешествия как таковой привлекал пристальное внимание культурологов и прежде, то смысл и плоды «фланирования» по городу автора или его героя стали вполне предметом изучения именно у Анциферова. Бродя по городу, художник испытывает на себе его воздействие; подчеркивая значение этого воздействия, Анциферов пишет о «власти места» над художником. Эта власть и порождает то, что привычно называется творческим вдохновением.

Библиографический список

1. Анциферов, Н. П., Золотарев, А. А. Ярославль. История. Культура. Быт [Текст] / Н. П. Анциферов,

А. А. Золотарев; подгот. текста Д. С. Московской, М. А. Нянковского, Я. Е. Смирнова. – Ярославль: Академия 76, 2019. – 324 с.

2. Анциферов, Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций [Текст] / Н. П. Анциферов; сост., подг. текста, послесловие Д. С. Московской. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. – 584 с.

3. Анциферов, Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. 2-е изд. [Текст] / Н. П. Анциферов. – Л.: Сеятель, 1926. – 155 с.

4. Анциферов, Н. П. Теория и практика литературных экскурсий [Текст] / Н. П. Анциферов. – Л.: Сеятель, 1926. – 110 с.

5. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975.

6. Исторические записки [Текст] / ОЛЯ РАН. Вып. 14 (132). – М.: Наука. 2012. – С. 5-87.

7. Московская, Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения [Текст] / Д. С. Московская. – М.: ИМЛИ, 2010. – 432 с.

8. Пришвин, М. М. Собрание соч.: в 6 тт. Т. 6 [Текст] / М. М. Пришвин. – М.: ГИХЛ, 1957.

9. Райков, Б. Е. Методика и техника экскурсий. – 4-е изд. [Текст] / Б. Е. Райков. – М.–Л., Госиздат, 1930. – 114 с.

10. Скобельцына, А. С. Культурологические принципы экскурсоведения: к постановке проблемы (1-я пол. XX в.) [Текст] / А. С. Скобельцына // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2010. – № 4. – С. 169-173.

11. Экскурсии в культуру [Текст]: методический сборник / под ред. И. М. Гревса – М.: Мир, 1925. – 204 с.

Reference List

1. Anciferov, N. P., Zolotarev, A. A. Jaroslavl'. Istorijska. Kul'tura. Byt = Jaroslavl'. History. Culture. Life [Tekst] / N. P. Anciferov, A. A. Zolotarev; podgot. teksta D. S. Moskovskoj, M. A. Njankovskogo, Ja. E. Smirnova. – Jaroslavl': Akademija 76, 2019. – 324 s.

2. Anciferov, N. P. Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroenija obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnyh tradicij = Problems of urbanism in Russian literature. Experience of making the image of the city – St. Petersburg of Dostoevsky – on the basis of the analysis of literary traditions [Tekst] / N. P. Anciferov; sost., podg. teksta, posleslovie D. S. Moskovskoj. – M.: IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 2009. – 584 s.

3. Anciferov, N. P. Puti izucheniya goroda kak social'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podhoda =

Ways to study the city as a social organism. Experience with the integrated approach 2-e izd. [Tekst] / N. P. Anciferov. – L. : Sejatel', 1926. – 155 s.

4. Anciferov, N. P. Teorija i praktika literaturnyh jekskursij = Theory and practice of literary excursions [Tekst] / N. P. Anciferov. – L. : Sejatel', 1926. – 110 s.

5. Bahtin, M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерki po istoricheskoj pojetike = Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics [Tekst] / M. M. Bahtin // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. – M. : Hudozh. lit, 1975.

6. Istoricheskie zapiski = Historical notes [Tekst] / OLJa RAN. Vyp. 14 (132). – M. : Nauka. 2012. – S. 5-87.

7. Moskovskaja, D. S. N. P. Anciferov i hudozhestvennaja mestnografija russkoj literatury 1920-1930-h gg.: k istorii vzaimosvjazej russkoj literatury i kraevedenija = Anciferov and artistic localgraphy of

Russian Literature of 1920-1930: to the history of interrelationships of Russian literature and local history [Tekst] / D. S. Moskovskaja. – M. : IMLI, 2010. – 432 s.

8. Prishvin, M. M. Sobranie soch. = Complete works : v 6 tt. T. 6 [Tekst] / M. M. Prishvin. – M. : GIHL, 1957.

9. Rajkov, B. E. Metodika i tehnika jekskursij = Method and technique of excursions. – 4-e izd. [Tekst] / B. E. Rajkov. – M. – L., Gosizdat, 1930. – 114 s.

10. Skobel'cyna, A. S. Kul'turologicheskie principy jekskursovedenija: k postanovke problemy (1-ja pol. HH v.) = Cultural principles of excursion: to the statement of the problem (1 half of the XX century) [Tekst] / A. S. Skobel'cyna // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). – 2010. – № 4. – S. 169-173.

11. Jekskursii v kul'turu = Excursions into culture [Tekst] : metodicheskij sbornik / pod red. I. M. Grevsa – M. : Mir, 1925. – 204 s.